

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Д.Б. Волков

ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОЙ КАУЗАЛЬНОСТИ: ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Предметом исследования является современная аналитическая философия, в частности проблема ментальной каузальности. Это проблема заключается в совмещении убеждения в каузальной замкнутости мира и представлении о том, что ментальные состояния каузально эффективны. Проблема ментальной каузальности стала традиционной в истории философии. Она была поставлена ещё в рамках дуалистических представлений Декарта. Современные аналитические философы внесли значительный вклад в её решение. В частности, автор рассматривает решения проблемы ментальной каузальности в рамках локального интеракционизма, эмерджентизма, телеофункционализма, предложенных российскими и иностранными философами. Автор использует историко-философский метод, метод историко-философской реконструкции. В работе также применён метод сравнительного анализа. Автором проанализированы и сопоставлены несколько философских подходов к проблеме ментальной каузальности.

Научная новизна заключается, во-первых, в том, что автор рассматривает наиболее современные подходы к решению проблемы ментальной каузальности. Эти подходы ещё не изучались подробно как в российской, так и зарубежной истории философии. Во-вторых, новизна исследования заключается в новых аргументах и выводах автора. Так, автор исследования предлагает новый аргумент для критики локального интеракционизма, а также собственную интерпретацию телеофункционалистского решения проблемы ментальной каузальности.

Ключевые слова: ментальная каузальность, локальный интеракционизм, каузальная замкнутость, психо-физическая проблема, супервентность, телеофункционализм, аргумент каузальных траекторий, эмерджентизм, сверхдетерминация, ментальное.

Abstract. The subject of this research is the modern analytical philosophy and the problem of mental causation in particular. This problem consists in combination of persuasion in the causal closedness of the world with the idea that mental conditions are causally effective. The problem of mental causation is tradition in the history of philosophy; it has been raised even back within the framework of dualistic ideas of Descartes. The modern analytical philosophers have made a significant contribution into its solution. The author also examines the solutions for the problem of mental causation in the context of local interactionism, emergentism, and teleofunctionalism proposed by Russian and foreign philosophers. Scientific novelty consists in the fact that the author explores the most contemporary approaches towards solution of the problem of mental causation, which yet have never been thoroughly examined within the Russian or foreign history of philosophy. The author also presents a new argument for criticism of the local interactionism, as well as his own interpretation of the teleofunctional solution of the problem of mental causation.

Key words: Mental, Over-determination, Emergentism, Argument of causal trajectories, Teleofunctionalism, Supervenience, Psycho-physical problem, Causal closure, Local interactionism, Mental causation.

Философская проблема ментальной каузальности (или психической причинности) заключается в решении вопроса о том, как ментальные события могут быть причиной физических. Проблема ментальной каузальности входит в состав более общей проблемы – проблемы отношения физического и ментального, в том числе сознания и мозга. И эта психофизическая проблема является ключевой для

современной аналитической философии. С обывательской позиции ментальная каузальность – простой эмпирический факт. Ментальные состояния часто представляются antecedentом физических изменений, и наоборот. Вот я хочу поднять руку, и рука поднимается. Кажется, моё желание (моё психическое, ментальное состояние) является причиной физического события. Но при более детальном рассмотрении дополнительных обстоятельств

возникают трудности. Этими дополнительными обстоятельствами являются (1) качественные отличия ментальных состояний от физических; (2) каузальная замкнутость физического мира; (3) отсутствие систематических сверхдетерминаций. Эти три обстоятельства, вероятно, не сочетаются с возможностью ментальной каузальности. Чтобы заметить противоречие, необходимо разъяснить эти обстоятельства.

Ключевой характеристикой ментальных событий является их субъективность или приватность. Эти состояния представляются непосредственно недоступными для других субъектов. Подобная характеристика отсутствует у физических событий, которые в равной степени доступны всем субъектам (т.е. объективны). Различие существенных характеристик является надёжным основанием считать ментальное отличным от физического. Это первое важное обстоятельство. Не меньше оснований считать физический мир каузально замкнутым, т.е. утверждать, что у каждого физического события существует достаточная физическая причина. Этот тезис в большой степени подкрепляется структурой научного знания и материализмом – метафизической позицией, на которой стоит большинство учёных. Специальные дисциплины изучают конкретные области: экономические, социальные, биологические, химические. Но только физика претендует на объяснение мира в целом и каждого индивидуального явления. Это означает, что физические законы способны объяснять и предсказывать любые события. А, значит, у всех физических событий должны быть достаточные физические причины.

И, наконец, последнее, третье обстоятельство – отсутствие систематической сверхдетерминации – тоже кажется очевидным. Сверхдетерминированными называются случаи, когда одно событие имеет одновременно более одной достаточной причины. Примером сверхдетерминации является смерть от расстрела стрелковым расчётом. Это сверхдетерминированное событие, т.к. попадание каждой пули в жизненно важные органы осуждённого является смертельным. При этом попадание каждой пули является отдельным событием. Сверхдетерминация, достаточно редко встречающееся в природе явление. Но, кажется, что систематическая сверхдетерминация логически невозможна. Если событие происходит под воздействием двух причин, то это либо случайность, либо закономерность. Если это случайность, то она не может быть систематической, регулярной. Если это закономерность, то две причины как-то связаны между собой. Связь между ними не может быть

каузальной, так как эти события по определению сверхдетерминации должны быть одновременными. Тогда это должно быть вариантом тождественности. Но если две причины тождественны, то это не сверхдетерминация. Но систематической сверхдетерминации логически быть не может. Все три обстоятельства кажутся достоверными, и, тем не менее, ставят под сомнение возможность ментальной каузальности. Это видно из следующего рассуждения.

Предположим, некоторое физическое событие является следствием ментальной причины. Но согласно тезису о каузальной замкнутости физического мира и этого физического события должна быть ещё и другая достаточная физическая причина. При этом ментальная причина не является тождественной с физической причиной. Следовательно, это событие должно быть сверхдетерминированным. При этом такая ситуация должна постоянно повторяться, т.е. в каждом случае действия ментальной причины действует ещё и физическая причина. Значит, в данном случае должна иметь место систематическая сверхдетерминация. Но это систематическая сверхдетерминация логически невозможна. Значит, либо как минимум одно из описанных обстоятельств ложно, либо ложен тезис о возможности ментальной каузальности. В этом противоречии заключается проблема ментальной каузальности.

Для философии эта проблема является традиционной. Её корни восходят ещё к Декартовским размышлениям. Большинство историков философии именно с Декартом связывают постановку психофизической проблемы. Французский философ ввёл знаменитое разделение мира на *res cogitans* и *res extensa* – вещи мыслящие и вещи протяжённые. Но тут же столкнулся с обозначенной выше проблемой: как возможно взаимодействие принципиально различных субстанций? Пытаясь решить её, Декарт предположил, что есть место в мозге, где должна была проходить трансформация. Имея ограниченные познания в анатомии мозга, он решил, что этим органом является эпифиз, шишковидная железа. По его мнению, именно здесь механические процессы превращаются в ментальные: данные органов чувств объединяются для представления разумной душе, нематериальный разум обдумывает и принимает решение, и, опять-таки, через эпифиз управляет поведением тела. Но указание физического места не решило проблему, а только её обострило. Остался не прояснённым вопрос, как может происходить такая трансформация в любом физическом органе. И многие поколения мыслителей пытались представить собственные

теории на этот счёт. В этом отношении современные философы аналитической традиции продолжают начатую раньше нового времени работу. Для понимания современного дискурса по ментальной каузальности в зарубежной философии можно выделить позиции американских философов Дж. Кима, Дж. Сёрла, Д. Деннета. В российской философии важные достижения сделаны Д.И. Дубровским и В.В. Васильевым. Их работам я посвящу данный обзор.

В российской философии исследований такого рода не очень много. Одним из первых на психофизическую проблему и проблему ментальной каузальности обратил внимание Д.И. Дубровский. В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Об аналитико-синтетическом характере отражательной деятельности мозга». Во второй половине 60-х философ опубликовал несколько статей в журнале «Вопросы философии» и защитил докторскую диссертацию «Философский анализ психофизиологической проблемы» (1969 г.). В этих работах, а затем и в последующих монографиях («Сознание, мозг, искусственный интеллект», 2007 г. [4]; «Проблема идеального», 1983 г., 2002 г. [5]; «Информация, сознание, мозг», 1980 г. [6]) Д.И. Дубровский защищал *информационный подход* к объяснению «субъективной реальности». Под *субъективной реальностью* Дубровский понимает совокупность явлений, которые обычно обозначаются в литературе как ментальное, феноменальное или квалиа. По мнению Д.И. Дубровского, субъективная реальность обладает особым онтологическим статусом. Связь субъективной реальности с процессами мозга, по мнению философа, следует мыслить через понятие информации. Субъективная реальность зависит от состояний в мозге и реализована как информация в мозге. Иными словами, мозг является носителем информации и находится в отношении *кодовой зависимости* к ней. При этом информация инвариантна к своему носителю, т.е. одна и та же информация может быть реализована в разных по своим физическим свойствам носителях. Это обеспечивает относительную автономность информационных свойств от физических.

По мнению Д.И. Дубровского, субъективная реальность каузально эффективна. Каузальная эффективность субъективной реальности является видом информационной каузальной эффективности. Информационная причинность необходима именно в силу инвариантности действующих факторов по отношению к физическому носителю. Информационные каузальные объяснения оказываются неотъемлемыми, когда предметом исследования служат самоорганизующиеся системы

(биологические, социальные, технические). При этом информационная причинность не противоречит физической причинности. Как пишет философ, физическая причинность сохраняет значение, если не претендует на роль универсального средства объяснения всех явлений действительности. Таким образом, Д.И. Дубровский не отрицает существование достаточных физических причин в некоторых случаях, но, судя по всему, отрицает тезис о каузальной замкнутости мира. По его словам, сами по себе «физические свойства носителя информации *не объясняют вызываемого следствия*, хотя необходимо *участвуют в акте его детерминации*» (курсив мой – Д.В.) [7, с. 47].

Отсутствие возможности физического каузального объяснения Дубровский объясняет тем, что не только «эти» физические процессы, но и совсем другие физические процессы могли бы стать носителями тех же сигналов у антецедента. А, значит, причина заключается в сигналах, информации, а не в носителях, субстратах. Более того, теоретические основы объяснения информационной причинности отличаются от основы объяснения физической причинности. Этим Дубровский обосновывает особый онтологический статус ментальной каузальности.

Позиция Д.И. Дубровского безусловно полезна и продуктивна в объяснении связи ментального и физического. Она также оригинальна, в первую очередь, в терминологическом плане. Но остаётся не до конца понятным, помогают ли терминологические альтерации действительно обойти концептуальные трудности, обозначенные другими аналитическими философами. Дубровский использует термин «субъективная реальность» вместо общепринятых «квалиа», «информация» вместо «интенциональные содержания», «кодовая зависимость» вместо «реализация», «инвариантность» вместо «множественной реализации». Но дают ли эти понятия автору возможность обойти две противоположные, и, тем не менее, одинаково нежеланные им философские альтернативы – *редукцию* или *эпифеноменализм*?

Предположим, «субъективное» действительно образует отдельную реальность, которая «не является просто высокоуровневым проявлением базовой физической причинности» (по утверждению Дубровского). Предположим также, что физическое не является каузально замкнутым (опять-таки, как говорит Дубровский). Тогда из этого следует, что из одного только знания о физическом состоянии мира и в том числе нейронных состояниях всех людей, мы не могли бы предсказать или объяснить последний мировой экономический кризис

без знания об «информационной причинности» Дубровского. Но так ли это? Думаю, российский философ должен был бы согласиться, что в каком-то смысле мы могли бы это сделать. По крайней мере, мы могли бы предсказать и описать физическое состояние мира во время кризиса или точную вероятность альтернативных состояний мира. Но в обоих случаях «информационная причинность» не играла бы никакого значения, либо имела бы роль неконкурирующей высокоуровневой причины. Ведь экономический кризис – это объективное событие с объективными пространственными параметрами. Либо возникновение кризиса было бы чудом. Тогда, что имеет в виду Дубровский, когда говорит о недостаточности физических причин?

Думаю, позиция Дубровского не безысходна. Однако для её усовершенствования имело бы смысл отказаться от важного термина для информационной теории Д.И. Дубровского – «субъективная реальность», и от утверждения о том, что информация не является высокоуровневым свойством. Автору также необходимо было бы прояснить понятие «причина», с которым он работает. Например, определить, что причина, это, в первую очередь, объяснение события. И этих объяснений одновременно может быть множество, в зависимости от целей исследования. В таком случае, появилась бы более приемлемая основа для разрешения проблемы ментальной каузальности.

Впрочем, существует и другой способ усилить позицию – отказаться от утверждения о том, что «информация» исчерпывающим образом закодирована в физическом субстрате. По этому опасному, но увлекательному пути идёт другой российский философ – В.В. Васильев. Его философская позиция представлена наиболее полно в монографии «Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии» [2]. Эта книга издана в серии «философия сознания», подготовленной московским центром исследования сознания. Она продолжает исследования, которые были отражены в предыдущей книге автора – «Трудная проблема сознания» [1]. Однако «Трудная проблема сознания» – это, в первую очередь, историко-философское исследование, а «Сознание и вещи» – работа, непосредственно ориентированная на решение философской загадки сознания и ментальной каузальности. Этим решением у Васильева является *локальный интеракционизм*.

Эта позиция предполагает утверждение специфического, нередуцируемого характера ментального. С точки зрения автора, квалиа, качественные характеристики воспринимаемого во внутреннем опыте, не могут быть сведены к физическому, к со-

стояниям мозга. При этом, по его представлениям, квалиа не просто сопутствуют физическим процессам. Они не эпифеноменальны, не являются «номологическими бездельниками», а реально влияют на поведение. Без них мозг не мог бы работать так, как он работает. Качественные состояния хранят следы тех событий, которые не способны сохраниться иным образом в физическом носителе. И тем самым расширяются физические возможности мозга. Поэтому существование квалиа эволюционно оправданно. Но как тогда быть с принципом каузальной замкнутости физического? Васильев считает, что принцип каузальной замкнутости не работает в некоторых локальных объектах, но сохраняется глобально в мире. В этом уникальная особенность его теории.

Основанием для таких любопытных выводов служит в том числе «Аргумент каузальных траекторий». Он был сформулирован впервые автором на одной из Туссанских конференций и доработан в обеих монографиях. Аргумент сформулирован в виде трёх посылок и вывода. Первая посылка – это утверждение о том, что (1) одинаковые события могут иметь разные причины. Шар попал в лузу – он мог попасть туда по самым разным траекториям. Студент оказался в аудитории – он мог туда прийти самыми разными путями. Любая вещь, любой объект могли оказаться там, где они есть, множеством различных способов. Посылка выглядит достоверной. Вторая посылка – это констатация того, что (2) память отражает события, происшедшие с субъектом в прошлом, т.е. отражает каузальную историю субъекта. Конечно, память может представлять каузальную историю ошибочным образом, но это, скорее, исключение, чем правило. Столь же очевидно, по мнению В.В. Васильева, что воспоминания представляют собой приватные качественные состояния и образуют основу убеждений, желаний и других осознанных состояний субъекта. Третья посылка указывает на корреляцию поведения и желаний. Объединяя посылки, В. Васильев приходит к следующему выводу. «Если реально, что одно и то же событие или комплекс событий могли бы порождаться разными причинами, и если мой мозг в данный момент времени может рассматриваться как громадный комплекс физических событий (некоторые составляющие которого могли бы иметь и иные причины), то, очевидно, что он мог бы оказаться в данном состоянии в результате самых разных предшествующих событий. Иными словами, мой мозг... мог иметь иную каузальную историю, нежели та, что действительно была у меня и составляла мою жизнь. Но, если бы у меня была иная история, то, как сле-

дует из второй посылки, я обладал бы сейчас другими воспоминаниями, и эти другие воспоминания фундировали бы иные убеждения и желания. Поскольку же мои убеждения и желания... скоррелированы с моим поведением (третья посылка), то, обладая другими убеждениями и желаниями, я вёл бы себя иначе, чем веду себя в данный момент...» [1, с. 184]. По мнению автора, из аргумента следует, что, находясь в том же самом физическом состоянии, субъект мог бы вести себя различным образом. И эти различия обуславливаются только его качественными ментальными содержаниями, различными убеждениями и желаниями. И никакой анализ наличного физического состояния не способен дать точного прогноза действий субъекта. Ментальные состояния действительны и обладают дополнительными возможностями, недоступными для физического субстрата – человеческого мозга. Так ли это?

Я не согласен с выводами этого аргумента, хотя нахожу его крайне провокационным и изобретательным. Анализ, необходимый для того, чтобы показать ложность аргумента, нужно начинать с упрощения. Аргумент можно разделить на две части. Первая – опровержение тезиса о супервентности ментального над физическим. Согласно этому тезису невозможно существование одинаковых физических событий, различающихся в ментальном плане. Вторая – доказательство ментальной эффективности. Для критики достаточно опровергнуть первую его часть. Она построена на двух первых посылках. Я немного конкретизирую и уточню их, чтобы они были очевидно достоверны. Тогда, аргумент будет выглядеть так: (1) одинаковые состояния мозга могут быть результатом разных событий, (2) память может отражать события, действительно происходившие с мозгом субъекта в прошлом. Думаю, автор не должен возражать против этих упрощений. И из них, по его мнению, всё равно должен следовать вывод о превосходящих мозг способностях памяти, об отсутствии супервентности и, соответственно, возможности существования двух абсолютно одинаковых мозгов с разными воспоминаниями.

Но, на мой взгляд, в этой формулировке лучше видно, почему рассуждение ошибочно. Оно построено на предположении, что если возможно А, а также возможно Б, то возможна и их конъюнкция. Но это не так. Возможно начать партию с хода пешки, возможно – с хода конем. Но невозможно начать партию сразу с хода пешки и хода конём. Я могу ходить и могу лежать, но не может быть такое сочетание обстоятельств, чтобы я одновременно ходил и лежал. Т.е. мозг может прийти к текущему состо-

янию разными путями, и память может отражать события, как они были в прошлом, но несколько мозгов не могут прийти разными путями к одинаковому состоянию и при этом отражать события как они были в прошлом. Любые девиации в траекториях нивелируются в памяти при схождении физических траекторий. Так, могут существовать два двойника: один – действительно проживший 25 лет жизни, другой – созданный в лаборатории методом клонирования. В этом случае, память одного будет отражать действительные события жизни, а другого будет содержать ошибочные воспоминания. Для того чтобы проиллюстрировать проблемы с аргументом, я также предлагаю обратить внимание на параллельный аргумент, который наследует все черты оригинального, и при этом приводит к абсурдным последствиям. Это будет аргумент-двойник.

Мой аргумент имеет, кажется, ключевые черты оригинального аргумента В.В. Васильева, но, очевидно, приводит к ложному результату. Если аргумент двойник не работает, но принципиально не отличается от аргумента каузальных траекторий, то и аргумент каузальных траекторий не работает. Аргумент в следующем.

(1). Реально возможно, чтобы жёсткий диск моего компьютера пришёл в текущее состояние различными путями;

(2). Файловая система хранит информацию (компьютерная память) о последовательности изменения файлов на диске;

(3). Реально возможно, чтобы жёсткий диск моего компьютера был в текущем состоянии, но файловая система хранила другую информацию о последовательности записи файлов на диск.

Это рассуждение формально похоже на аргумент В.В. Васильева, и доводы, приводимые в пользу истинности посылок, применимы и в аргументе-двойнике. Действительно, диск компьютера тоже физический объект, как мозг человека. Следовательно, текущему состоянию диска могут предшествовать различные состояния. Файловая система в качестве метаданных хранит информацию о времени создания, доступа и модификации каждого файла. Эта информация обычно представляется правильным образом и отражает индивидуальную каузальную траекторию жёсткого диска. Отклонения, конечно, возможны, но мы говорим о норме. Тем не менее, вряд ли кто-либо будет утверждать отсутствие локальной супервентности данных файловой системы над физическим состоянием жёсткого диска. Это абсурдное следствие. Следовательно, форма аргумента каузальных траекторий имеет уязвимость. А его вывод недостаточно обо-

снован. Это, тем не менее, не снижает важность его для анализа связи ментальных состояний и мозга. А размышления над ним ещё раз убеждают нас в наличии супервентности. Впрочем, в ней действительно сложно усомниться. Тезис о супервентности разделяет в частности и следующий философ в этом обзоре, теоретик ментальной каузальности – Дж. Ким.

Пожалуй, это один из наиболее известных исследователей ментальной каузальности. Дж. Ким занимался этой проблематикой на протяжении почти 50 лет. Наиболее ранней и известной общей его работой является монография «Философия сознания» (Philosophy of Mind) [16]. К настоящему моменту она прошла уже три издания. В целом эта книга посвящена решению психофизической проблемы. Автор анализирует различные философские позиции в отношении сознания: субстанциональный дуализм, теорию тождества, функционализм – и соответствующие им решения проблемы ментальной каузальности. В монографии философ пытается выяснить, какие ответы современные философы дают на два ключевых вопроса: (1) как соотносится ментальное и физическое, и (2) каким образом это соотношение делает возможным ментальную каузальность. И в ходе исследования Дж. Ким выбирает из них наиболее приемлемый.

Недостатки дуалистического подхода философ демонстрирует с помощью аргумента «Выбора каузальной пары» (Pairing problem). Теория тождества и функционализм лишены тех же недостатков. Но, по мнению Кима, эти теории имеют другие слабости. Не все свойства могут быть редуцированы к физическим. А, значит, полная победа физикализма невозможна. Эту позицию, к которой склоняется американский философ, он называет «*физикализмом, или что-то близкое к тому*» (physicalism, or something near enough). Согласно этой позиции часть ментальных свойств редуцируема к физическим и потому каузально эффективна, а часть – не редуцируема, и эта часть ментальных свойств, по мнению автора, эпифеноменальна.

К квазиэпифеноменализму Дж. Кима приводит аргумент, встречающийся в «Философии сознания» [16] и других его работах (например, в книге Physicalism, or something near enough [18]) Это Аргумент Исключения. В общем виде мы познакомились с ним в начале статьи. Впервые аргумент был сформулирован Н. Малкомом в статье «Возможность механизма» [20]. Ким совершенствует этот аргумент и направляет его против каузальной эффективности части ментальных свойств. Согласно аргументу каждое физическое событие имеет до-

статочную физическую причину. И эта достаточная причина *исключает* другие причины в качестве основания событий, в том числе ментальные. Единственный способ спасти ментальную каузальность – редуцировать ментальные свойства к физическому. Но не все ментальные свойства могут быть редуцированы. Таким образом, согласно рассуждениям Кима, некоторые из ментальных свойств эпифеноменальны. Альтернативной точки зрения придерживается другой исследователь проблемы ментальной каузальности, ещё один американский философ Дж. Сёрл.

Дж. Сёрл, как и Д.И. Дубровский, так и В.В. Васильев, считает ментальные свойства нередуцируемыми к физическим [7]. Но в отличие от последнего, Сёрл не принимает Аргумента Исключения. Он считает этот аргумент, и лежащий в его основе принцип, атавизмом картезианской метафизики. Результаты исследования этой метафизики представлены им в частности в работе «Открывая сознание заново» [8]. Книгу можно разделить на две части. Первые три главы содержат синопсис доминирующих в современной философии сознания точек зрения и их критику. В этом отношении монография «Открывая сознание заново» является его самой историко-философской. Во второй части, следующих пяти главах, Дж. Сёрл предлагает свою теорию сознания и решение проблемы ментальной каузальности. Концепция Дж. Сёрла в целом кажется очень близкой здравому смыслу и, по мнению автора, её достоверность должна быть очевидна любому образованному читателю.

Анализ современных теорий сознания и ментальной каузальности Дж. Сёрла охватывает дуализм свойств, бихевиоризм, теорию тождества, функционализм, элиминативный материализм. В основном автор концентрируется на материалистических теориях, так как они являются доминирующими в философии конца XX – нач. XXI вв. Историко-философское исследование Дж. Сёрл резюмирует выводом о том, что все без исключения направления продолжают Декартовскую традицию, в которой мир разделяется на ментальное и физическое. И даже теории бихевиористов, функционалистов, элиминативистов и когнитивистов, с его точки зрения, не могут преодолеть старые методы, избавиться от традиционного лексикона. Хотя современные концепции почти всегда противопоставляются субстанциональному дуализму, они всё же находятся в объятиях картезианской дихотомии. И в этом их основная проблема. Неудачливые наследники Декарта попадают в тупиковую ситуацию: им либо приходится отрицать очевидное, либо – впадать в мистицизм. Свою собствен-

ную теорию сознания и ментальной каузальности – биологический натурализм – Дж. Сёрл считает лишённой подобных недостатков.

Нет ничего противоречивого в утверждении, что нечто ментальное может существовать, быть редуцируемым к физическим явлениям, и, тем не менее, быть частью физического мира, – пишет философ на страницах книги. Мир целиком состоит из физических частиц, находящихся в силовом поле, и, вместе с тем, существует сознание с его феноменальными редуцируемыми свойствами. Ошибка полагать эти два утверждения взаимоисключающими. Просто, согласно позиции Сёрла, ментальные феномены сами являются высокоуровневыми свойствами мозга, как текучесть является высокоуровневым свойством молекул воды. Ментальные свойства целиком зависят от физических. И эта зависимость, настаивает автор, *каузальная*, т.е. физические свойства, по мнению философа, являются причиной ментальных свойств.

В свою очередь, ментальные свойства тоже каузально эффективны и воздействуют на физические. Этот факт Дж. Сёрл считает очевидным: ментальные феномены каузально зависимы от нейрофизиологических процессов в мозге, и движения организма каузально зависимы от ментальных состояний. Как это возможно? Чтобы устранить потенциальную конкуренцию причин, Дж. Сёрл расширяет и трансформирует понятие причинной связи. Он допускает синхронность antecedentа и consequentа, а также их пространственное совпадение. Возможно, этим шагом он завоевывает симпатии обывателей. Но такое решение не удовлетворяет тех, кто настаивает на прозрачности и чёткости метафизических построений. Ни элиминативисты, такие как П. Черчленд, ни физикалисты, отрицающие возможность полной редукции, такие как Дж. Ким, не считают теорию Дж. Сёрла когерентной [8, p. 12].

Противоречия содержатся в том, что Дж. Сёрл пытается отстоять особый онтологический статус субъективного мира, и при этом объявляет его высокоуровневой характеристикой физического. Я согласен с этой линией критики. Это противоречие сам философ, кажется, пытается прикрыть свободным употреблением термина каузальность. С его помощью он характеризует связь между низкоуровневыми и высокоуровневыми характеристиками. Получается, что физические свойства тривиально вызывают ментальные, а ментальные – физические. Но эта тривиальность испаряется, когда мы возвращаемся к более точным философским определениям отношений: супервентности, эмерджентности. Эти термины вскрывают однонаправленный

характер связи и возвращают проблему каузальной эффективности ментального. Думаю, Дж. Сёрлу всё-таки не избежать неприятной дилеммы: редукционизм или эпифеноменальность.

В вопросе ментальной каузальности наиболее продуктивными мне кажется подход другого американского философа, Д. Деннета. Он позволяет избежать эпифеноменализма, редукции, а также нарушения принципа супервентности. К сожалению, философом обозначен только подход. Развёрнутой теории ментальной каузальности как таковой у Д. Деннета нет. Зато есть мысленный эксперимент и ряд инструментов для мышления, позволяющих эту теорию построить. Мысленный эксперимент, о котором я хотел бы написать, опубликован в монографии Д. Деннета «Опасная идея Дарвина» [11], а также в его сборнике «Помпы для интуиции» [12]. Это мысленный эксперимент – история о двух чёрных ящиках.

Некогда были найдены два соединённых между собой кабелем чёрных ящика. На первом расположены две кнопки: α и β , а на втором – три световых индикатора: красный, зелёный и оранжевый. Когда стали исследовать ящики, обнаружили, что при нажатии кнопки α на первом ящике, всегда загорается красный индикатор на втором, а кнопки β – зелёный. Оранжевый индикатор, казалось, вообще не используется. После многократных повторений учёные убедились:

α является причиной красного,
 β является причиной зелёного.

Сигнал передавался через провод. Было очевидно, что, когда нажимали кнопку α , в проводе происходило что-то одно, а когда кнопку β – что-то другое. Возможно, различалось количество импульсов тока, а, может, разным было напряжение. Для того чтобы выяснить, в чём состояло отличие, учёные подключили к кабелю прослушивающее устройство. И вскоре обнаружили, что, когда нажималась любая из кнопок, по кабелю передавался поток импульсов с интервалами, как бы нулей и единиц, всего 10 000 битов. Но каждый раз последовательность была разной. **Что в таком случае определяло, «какого цвета» этот поток?**

Чтобы разгадать головоломку учёные вскрыли коробку с цветовыми индикаторами. Там они обнаружили обычный суперкомпьютер, с огромным процессором, памятью, и программой, занимавшей почти весь жёсткий диск. Когда на процессор поступила последовательность из 10 000 битов от другого ящика, процессор осуществлял несколько миллиардов операций, в результате которых он выдавал 0 или 1. Если на процессор приходила та же самая комбинация, он выдавал тот же самый

результат, 0 или 1, зелёный или красный. Ничего сверхъестественного не происходило. Кроме одного, любопытного факта. Компьютер во втором ящике перед выдачей одного и того же ответа на один и тот же запрос проходил разные физические состояния. Это объяснялось тем, что программа записывала каждый входящий запрос, и состояния памяти компьютера никогда не оставалось прежним. Наблюдая за работой компьютера, учёные решили, что любая последовательность из 10 000 битов будет определяться им как красная или зелёная. Гипотеза, однако, провалилась, как только они стали подменять последовательности битов, исходящие из первого ящика, на новые, собственные. Вдруг заработал оранжевый индикатор, как если бы второй ящик обнаружил мошенничество.

На любую новую последовательность, введенную учёными самостоятельно, загорался оранжевый. Нет, нельзя было сказать, что компьютер как-то отличал последовательности «сделанные вручную» от последовательностей, исходящих из первого ящика. Когда вручную дублировались последовательности из первого ящика, второй ящик работал нормально, т.е. выдавал зелёный или красный. Вот только если изменялся хотя бы один бит, загорался оранжевый индикатор. Выходило, что все возможные последовательности делятся на зелёные, красные и... оранжевые. Только оранжевых было значительно больше, на порядок больше. Это делало закономерность с красно/зелёным индикатором ещё более интригующей.

Что всё-таки определяло, каким будет цвет последовательности символов? В каждом конкретном случае ничего удивительного не было. Учёные могли проследить каузальную цепочку от каждой последовательности в суперкомпьютере. В этом смысле аппарат был полностью детерминирован физическими законами. Однако то, что было удивительно, *так это отсутствие возможности предсказать*, исследуя одну лишь последовательность символов, какого она цвета. Учёные знали лишь, что строка будет оранжевой с почти стопроцентной вероятностью, кроме случаев, когда она была выдана первым ящиком. В таком случае с вероятностью миллиард к одному, она была либо красной, либо зелёной. Но никто не мог заранее определить один из двух цветов, не пропустив эту строку через программу в ящике Б. Учёные решили, что разгадка даст только вскрытие первого ящика.

Они открыли этот ящик и обнаружили в нём ещё один суперкомпьютер с гигантской памятью и программой. При нажатии кнопки программа обращалась к встроенным часам, переводила время в бинарное выражение и с помощью этого кода выби-

рала к какой части памяти обратиться, чтобы подготовить последовательность для второго ящика. Стало понятно, что именно использование внутренних часов гарантировало, что по кабелю всегда передавалась новая комбинация. При этой псевдо-произвольности, всегда, когда нажималась кнопка α , загоралась красная лампочка, а β – зелёная. Впрочем, учёные, наконец, обнаружили аномалию: примерно раз в миллиард случаев происходила «ошибка» и после нажатия кнопки α загорался зелёный цвет. Эта незначительная погрешность сделала аппарат ещё более загадочным для учёных.

Но однажды в лабораторию зашли два программиста, Эл и Бо, которые создали аппарат и всё объяснили. Когда-то они оба работали над экспертными системами: создавали базу знаний, в которой должны были содержаться все истинные утверждения о мире и выводимые из них утверждения. Они писали эти программы на разных языках программирования. Оба преуспели в этом деле так, что скоро их программы могли генерировать бесконечное множество истинных утверждений: «Дом больше семечка», «Корова – самка домашнего быка», «Расстояние между Москвой и Санкт-Петербургом равно 634 км». Но, как выяснилось, экспертные системы не могли дать полезного нового знания человечеству. И программисты бросили свои проекты, превратив разработки в философскую игрушку.

Они выбрали способ транслировать (переводить) утверждения между машинами, и соединили программы так, что при нажатии кнопки α первая машина отправляла истинное утверждение, а β – ложные. Вторая машина сопоставляла утверждение на входе с собственными «убеждениями», и, если получала истинное утверждение – подтверждала его красным сигналом, а, если ложное – откликалась зелёным. Когда данные на входе невозможно было обработать, т.е. они выражали бессмыслицу, либо содержали некорректные выражения, машина выдавала оранжевый цвет. Конечно, когда учёные вносили коррективы в передаваемые сигналы без понимания, что они собой должны представлять, это было самой распространённой реакцией. Так раскрылось, что удивительное свойство красных последовательностей, было свойством «быть истинным утверждением», а зелёных – «быть ложным утверждением». Неожиданно, поняв устройство аппарата, учёные сами смогли создавать сколько угодно зелёных и красных последовательностей. Они даже открыли последовательности, которые сначала были красными, а потом становились зелёными, как, например, сообщение: «это сообщение передавалось менее

100 раз». Ведь на 101 раз это сообщение должно было становится зелёным.

Мысленный эксперимент «Два чёрных ящика» хорош своим почти детективным сюжетом, и, вряд ли, есть читатель, который хотя бы чуть-чуть не был заинтригован любопытным аппаратом и его свойствами. Однако нас интересует польза, которую философские исследования ментальной каузальности могут получить от подобной иллюстрации. В обеих публикациях Деннет снабжает мысленный эксперимент только очень краткими разъяснениями своей теории – телеофункционализма. Для его философского стиля характерны, скорее, яркие образы и сравнения, нежели чёткие дефиниции и формально структурированные аргументы. Поэтому здесь приведу собственные комментарии. Итак, мысленный эксперимент, в первую очередь, о соотношении низкоуровневых и высокоуровневых свойств.

На нижнем уровне имеется последовательность символов: нулей и единиц. Это синтаксические свойства. А на высоком уровне – свойства «быть истинным высказыванием», «быть ложным высказыванием» или «быть бессмысленным выражением». Это семантические свойства. Свойства высокого уровня реализованы в свойствах нижнего уровня, и они супервентны над свойствами нижнего уровня. Но свойства высокого уровня не могут быть в определённом смысле редуцированы к свойствам нижнего уровня, так как эти свойства не обеспечивают объяснительной и предсказательной функции.

Поскольку каждый раз в ящик Б передаётся новое закодированное сообщение из одной только последовательности символов (или физических сигналов) *невозможно предсказать*, какой индикатор загорится. Также с помощью одной только ссылки на последовательность входящих символов *невозможно объяснить* результат, цвет индикатора. На вопрос, почему в случае отправки неко-

торых последовательностей загорается красный индикатор, а не какой-то другой, есть только один удовлетворительный ответ: потому, что эти последовательности в закодированном виде выражают истинные утверждение о мире. В этой ситуации **единственным способом объяснить и предсказать события в установке является ссылка на свойство высокого уровня**. Механическая система, состоящая из двух соединённых ящиков и спроектированная для выполнения синтаксических операций, демонстрирует семантические свойства. И, вероятно, свойствами, которые определяют регулярность и **даже каузальную связь** между кнопками на одном ящике и индикаторами на другом, являются эти семантические свойства последовательностей. Синтаксические свойства, т.е. последовательности битов, не содержат какого-то общего свойства и потому, не могут обосновывать каузальную закономерность. Эту каузальную закономерность могут обосновать только семантические свойства.

То, что здесь сказано о семантических свойствах, можно распространить в целом на ментальное. Таким образом, существуют ситуации, в которых только ментальные характеристики могут служить практически доступным способом прогнозирования и объяснения событий. Это обеспечивает им законное место в каузальных объяснениях. При этом, как видно из мысленного эксперимента, они вовсе не конкурируют с физическими (или синтаксическими) причинами, а сосуществуют наряду с ними. Решение проблемы ментальной каузальности у Деннета, с моей точки зрения, является наиболее удачным. Оно согласуется с утверждениями о каузальной замкнутости физического мира, отсутствии систематической сверхдетерминации и наличии супернетности. При этом оно оставляет важное место для ментальных свойств и позволяет объяснять с их помощью те события, которые нельзя было бы объяснить иначе.

Список литературы:

1. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
2. Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 240 с.
3. Волков Д.Б. Опровергает ли аргумент каузальных траекторий локальную супервентность ментального над физическим? // Эпистемология и философия науки. М.: Изд. дом «Альфа-М», 2015. Вып. 2. С. 166-182.
4. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Изд. дом «Стратегия-Центр», 2007. 272 с.
5. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Канон+, 2002. 368 с.
6. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980. 286 с.
7. Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг: опыт теоретического решения проблемы // Вестник Российской академии наук. 2013. № 1. С. 45-57.
8. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнов. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
9. Chalmers D.J. Facing up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. Cambridge: MIT Press, 1995. Vol. 2. № 3. P. 200-219.
10. Churchland P. Betty Crocker's Theory // London review of books. London: LRB Limited. 1994. Vol. 16. № 9. P. 13-14.

11. Dennett D. Darwin's dangerous idea: evolution and the meaning of life. N.Y.: Simon and Schuster Paperback, 1995. 586 p.
12. Dennett D. Intuition pumps and other tools for thinking. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2013. 463 p.
13. Davidson D. The Essential Davidson. Oxford: Oxford University Press, 2006. 282 p.
14. Hare R.M. The inaugural address: Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary. Oxford: Oxford University Press, 1984. Vol. 58. P. 1-16.
15. Kim J. Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. Massachusetts: MIT Press, 1998. 326 p.
16. Kim J. Philosophy of mind. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2006. 374 p.
17. Kim J. Essays in the Metaphysics of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2010. 317 p.
18. Kim J. Physicalism, or Something Near Enough. Princeton: Princeton University Press. 2007. 201 p.
19. Lewis D. Extrinsic Properties // Philosophical Studies. N.Y.: Springer International Publishing AG, 1983. № 44. P. 197-200.
20. Malcom N. Conceivability of mechanism // Philosophical review. Durham: Duke University Press, 1968. № 77. P. 445-472.
21. Muijnck Wim De. Dependencies, Connections, and Other Relations: A Theory of Mental Causation. Dordrecht: Kluwer Academic Publisher, 2003. 288 p.
22. Vasilyev V.V. "The Hard Problem of Consciousness" and Two Arguments for Interactionism // Faith and Philosophy. 2009. № 26(5). P. 514-526.

References (transliterated):

1. Vasil'ev V.V. Trudnaya problema soznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2009. 272 s.
2. Vasil'ev V.V. Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoi ontologii. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. 240 s.
3. Volkov D.B. Oproveraet li argument kauzal'nykh traektorii lokal'nuyu superventnost' mental'nogo nad fizicheskim? // Epistemologiya i filosofiya nauki. M.: Izd. dom «Al'fa-M», 2015. Vyp. 2. S. 166-182.
4. Dubrovskii D.I. Soznanie, mozg, iskusstvennyi intellekt. M.: Izd. dom «Strategiya-Tsentr», 2007. 272 s.
5. Dubrovskii D.I. Problema ideal'nogo. M.: Kanon+, 2002. 368 s.
6. Dubrovskii D.I. Informatsiya, soznanie, mozg. M.: Vysshaya shkola, 1980. 286 s.
7. Dubrovskii D.I. Sub"ektivnaya real'nost' i mozg: opyt teoreticheskogo resheniya problemy // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2013. № 1. S. 45-57.
8. Serl Dzh. Otkryvaya soznanie zanovo / Per. s angl. A.F. Gryaznov. M.: Ideya-Press, 2002. 256 s.
9. Chalmers D.J. Facing up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. Cambridge: MIT Press, 1995. Vol. 2. № 3. P. 200-219.
10. Churchland P. Betty Crocker's Theory // London review of books. London: LRB Limited. 1994. Vol. 16. № 9. P. 13-14.
11. Dennett D. Darwin's dangerous idea: evolution and the meaning of life. N.Y.: Simon and Schuster Paperback, 1995. 586 p.
12. Dennett D. Intuition pumps and other tools for thinking. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2013. 463 p.
13. Davidson D. The Essential Davidson. Oxford: Oxford University Press, 2006. 282 p.
14. Hare R.M. The inaugural address: Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary. Oxford: Oxford University Press, 1984. Vol. 58. P. 1-16.
15. Kim J. Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. Massachusetts: MIT Press, 1998. 326 p.
16. Kim J. Philosophy of mind. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2006. 374 p.
17. Kim J. Essays in the Metaphysics of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2010. 317 p.
18. Kim J. Physicalism, or Something Near Enough. Princeton: Princeton University Press. 2007. 201 p.
19. Lewis D. Extrinsic Properties // Philosophical Studies. N.Y.: Springer International Publishing AG, 1983. № 44. P. 197-200.
20. Malcom N. Conceivability of mechanism // Philosophical review. Durham: Duke University Press, 1968. № 77. P. 445-472.
21. Muijnck Wim De. Dependencies, Connections, and Other Relations: A Theory of Mental Causation. Dordrecht: Kluwer Academic Publisher, 2003. 288 p.
22. Vasilyev V.V. "The Hard Problem of Consciousness" and Two Arguments for Interactionism // Faith and Philosophy. 2009. № 26(5). P. 514-526.